

Observatoire ARGA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

**D-08. Экономическое уголовное преследование
и признаки возможной политической мотивации**

Автор:

Сергей Храбрых - президент ARGА, PhD

Организация: Observatoire ARGА

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

23 сентября 2026 года

Содержание

1. Резюме и основные выводы	3
2. Предмет исследования и границы понятий	4
3. Четыре процедуры: разные вопросы и последствия	5
4. Экстрадиция: цель запроса и риск предвзятого обращения	6
5. Международная защита и актуальное право ЕС	7
6. P.I.: защита бизнеса и приписываемая политическая позиция	8
7. Merabishvili: смешанные цели и изменение во времени	9
8. Gusinskiy: уголовное принуждение как коммерческий рычаг	10
9. Kezerashvili: нарушение процесса не доказывает скрытую цель	11
10. INTERPOL: нормативная рамка и предмет проверки CCF	12
11. Опубликованные решения CCF: что усиливает и ослабляет довод	13
12. Repository INTERPOL: сопоставление противоположных примеров	14
13. Хронология: от последовательности событий к причинной связи	15
14. Избирательность: как выбирать сопоставимые случаи	16
15. Угрозы, публичные заявления и связь с государственным решением	17
16. Экономическая основа обвинения и альтернативные объяснения	18
17. Процессуальные нарушения и использование зависимости	19
18. Перенос решений между процедурами и качество источников	20
19. Проверяемая система признаков без балльной оценки	21
20. Практический протокол анализа и условные сценарии	23
21. Выводы и рекомендации	24
22. Источники	26

Срез источников: 23 сентября 2026 года. Ключевые слова: экономическое уголовное преследование; политическая мотивация; экстрадиция; убежище; INTERPOL; CCF; статья 18 ЕКПЧ; доказательства.

1. Резюме и основные выводы

Экономическое уголовное преследование может одновременно иметь фактическую основу и использоваться для неправомерного давления. Обратная ситуация также возможна: обвиняемый связан с оппозицией, конфликтует с влиятельными лицами или владеет значимым активом, однако производство сохраняет обычный уголовно-правовой характер. Поэтому исследование политической мотивации начинается не с характеристики личности и не с оценки политического режима, а с определения конкретного решения, его правового основания, предполагаемой скрытой цели и доказательств связи между ними.

Настоящий доклад предлагает проверяемую систему анализа для четырёх процедур: экстрадиции, международной защиты, контроля данных INTERPOL и рассмотрения жалоб Европейским судом по правам человека. Их нельзя объединить в один универсальный тест. Отказ в выдаче оценивает допустимость передачи человека; убежище - основания защиты от преследования; Комиссия по контролю за файлами INTERPOL, далее CCF, - соответствие обработки данных правилам Организации; ЕСПЧ - соблюдение конкретных конвенционных обязательств. Совпадение фактического материала не делает результаты взаимозаменяемыми. [1-14]

Главный методологический вывод состоит в необходимости отдельно исследовать четыре вопроса. Имеются ли конкретные сведения о предполагаемом экономическом правонарушении? Установлена ли политическая либо иная ненадлежащая цель? Связана ли эта цель с рассматриваемой мерой и имеет ли юридически необходимое значение? Какое последствие допускает применимое право? Ответ «да» на первый вопрос не исключает злоупотребления, а ответ «нет» сам по себе ещё не устанавливает политический мотив.

Наиболее содержательны доказательства, которые показывают механизм воздействия: требование передать актив в обмен на прекращение преследования; использование заключения для получения не относящейся к обвинению политически значимой информации; индивидуализированные угрозы; приписывание человеку политической позиции; необъяснённое различие между сопоставимыми участниками одной операции. Их значение зависит от подлинности, контекста, связи с уполномоченным субъектом и альтернативного объяснения. Общая репутация государства, близость выборов и принадлежность к прежней администрации чаще дают направление проверки, чем достаточное основание окончательного вывода.

Положительные и отрицательные результаты рассмотрены вместе. Gusinskiy показывает недопустимость превращения содержания под стражей в средство коммерческого торга. Merabishvili объясняет смешанные цели и изменение преобладающей цели во времени. Kezerashvili демонстрирует, что нарушение беспристрастности суда и благоприятные решения в других процедурах не позволяют автоматически установить скрытую политическую цель. Практика CCF раскрывает значение конкретного описания предполагаемой роли лица и недостаточность общих политических утверждений. [6-8; 12-14]

Предлагаемая методика качественная. Она не присваивает делам баллы, не рассчитывает вероятность удовлетворения жалобы и не объявляет человека «политически преследуемым» по числу отмеченных признаков. Её результат - аргументированный вывод для определённой

процедуры с указанием подтверждённых обстоятельств, конкурирующих объяснений и недостающих данных. Доклад основан на открытых первичных источниках по состоянию на 23 сентября 2026 года; он не содержит статистики распространённости злоупотреблений или сведений о клиентской практике ARGGA.

2. Предмет исследования и границы понятий

Под экономическим уголовным преследованием здесь понимаются производства, связанные с предполагаемым незаконным получением, использованием, перемещением или удержанием имущества и денежных средств, финансовой отчётностью, налогами, управлением организациями и публичными ресурсами. Это рабочее описание предмета, а не единая международная классификация преступлений. Одинаковое название состава в разных государствах не гарантирует одинаковых признаков, порогов ответственности или процессуальных последствий.

Политическая мотивация также не является универсальным юридическим термином с неизменным содержанием. Следует различать политический характер самого деяния, цель инициатора преследования, дискриминационное обращение из-за политических убеждений и политические последствия обычного расследования. Коррупционное дело против бывшего министра может иметь значительные электоральные последствия без доказанной неправомерной цели. Напротив, внешне частный имущественный конфликт может затрагивать приписываемые политические убеждения, если сопротивление незаконным действиям воспринимается влиятельными субъектами как вызов их власти или методам. [1; 5; 11]

Отдельная категория - ненадлежащая коммерческая цель. Принуждение к передаче бизнеса с использованием уголовного процесса серьёзно для прав человека, но само по себе ещё не доказывает преследование по признаку политических убеждений. Необходимо показать дополнительную связь, если именно она требуется выбранным основанием защиты. Иначе убедительно установленное злоупотребление будет описано юридически неточно, а спор сместится с доказанного давления на недоказанную политическую характеристику.

Единицей анализа должно стать не «дело вообще», а определённое действие: возбуждение производства, изменение обвинения, заключение под стражу, продление ограничения, международный розыск, запрос о выдаче, аннулирование документа или использование процессуальной зависимости для постороннего требования. У разных действий могут быть разные инициаторы, цели и доказательственная основа. Более позднее злоупотребление не обязательно означает, что исходное расследование было полностью вымышленным; первоначальная обоснованность не оправдывает все последующие меры.

Доклад не устанавливает виновность участников рассмотренных дел и не переоценивает национальные уголовные доказательства вместо компетентного суда. Когда излагается версия обвинения либо национального центрального бюро INTERPOL, она обозначается именно как версия. Судебный вывод приводится в пределах реально разрешённого вопроса. Особенно важно различать признание жалобы неприемлемой, отсутствие нарушения при рассмотрении по существу и положительное установление неправомерной цели: эти

процессуальные результаты нельзя сокращать до одинакового выражения «суд не согласился».

Выборка носит целевой методологический характер. В неё включены акты, позволяющие сопоставить разные доказательственные конструкции и пределы выводов. Она не представляет все государства, составы преступлений и национальные подходы. Из опубликованных анонимизированных выдержек ССФ невозможно получить достоверную частоту политически мотивированных запросов. Отсутствие открытого решения также не свидетельствует ни об отсутствии проблемы, ни о положительном исходе конкретного обращения.

3. Четыре процедуры: разные вопросы и последствия

В экстрадиционном производстве политический аргумент связан прежде всего с препятствием передаче человека. Статья 3 Европейской конвенции о выдаче различает политическое преступление и ситуацию, когда запрос по общеуголовному деянию имеет недопустимую цель либо положение лица может ухудшиться по указанным в норме основаниям. Национальный режим, применимый договор, оговорки и специальные положения подлежат отдельной проверке. Само существование Конвенции не означает, что любой запрос между любыми государствами рассматривается по идентичной модели. [1]

В международной защите предмет шире отдельного запроса о выдаче. Исследуются обоснованные опасения преследования, его серьёзность, связь с защищаемым основанием, доступность защиты и возможные основания исключения. Для экономического дела особенно важны различия между обычным уголовным преследованием, непропорциональным или дискриминационным наказанием и использованием уголовного механизма против человека, которому приписывается политическая позиция. Разрешение на проживание не следует автоматически описывать как признание беженцем. [3-5; 13]

В ССФ проверяется обработка данных в информационной системе INTERPOL. Для статьи 3 Конституции Организации существенна оценка преобладающего характера дела с учётом всех относящихся к нему факторов. Предполагаемая экономическая роль лица имеет значение, поскольку формальная ссылка на уголовный состав не заменяет описание фактов. Однако Комиссия не проводит полноценного уголовного расследования и не разрешает вопрос виновности. Решение о соответствии данных правилам не равнозначно одобрению каждого национального процессуального действия. [9-13]

ЕСПЧ рассматривает жалобу в пределах своей компетенции и соответствующего права. Статья 18 ЕКПЧ касается использования допустимых ограничений для иных целей и применяется во взаимосвязи с другим конвенционным положением. При множественности целей подход Merabishvili требует установить преобладающую цель. Это нельзя механически превратить в стандарт для убежища или каждого национального экстрадиционного возражения. Даже сходное слово «преобладание» в практике INTERPOL обозначает анализ в ином институциональном и нормативном контексте. [6]

Временная направленность оценки тоже различается. Суд, решающий вопрос передачи, исследует последствия предполагаемого возвращения. ЕСПЧ в конкретной жалобе может

оценивать уже состоявшиеся действия и доказанность их цели. CCF рассматривает допустимость определённой обработки данных. Поэтому различие результатов иногда объясняется вопросом, моментом оценки или составом материалов, а не противоречием органов. Kezerashvili непосредственно показывает пределы переноса выводов из экстрадиции и системы INTERPOL в конвенционное разбирательство. [8, § 129]

Практический документ должен начинаться с точного запроса: какой орган, какое решение и на каком основании требуется получить. Формулировка «признать дело политическим» часто слишком неопределённа. Более полезно назвать конкретное препятствие выдаче, основание международной защиты, нарушение правил обработки либо конвенционную претензию. После этого определяется, какие обстоятельства имеют юридическое значение, какие документы их подтверждают и что именно остаётся вне компетенции адресата.

4. Экстрадиция: цель запроса и риск предвзятого обращения

Статья 3(1) Европейской конвенции о выдаче относится к преступлениям, которые запрашиваемая сторона считает политическими либо связанными с политическими. Статья 3(2) охватывает другую конструкцию: запрос формально касается общеуголовного преступления, но имеются существенные основания полагать, что его цель - преследование или наказание по признакам расы, религии, национальности либо политических убеждений, или что положение лица может ухудшиться по одной из этих причин. Различие важно именно для финансовых обвинений, внешне не связанных с политической деятельностью. [1]

Британский Extradition Act 2003 в section 81, относящемся к выдаче государствам категории 2, также разделяет две ветви. Первая касается фактической цели запроса - преследования или наказания по перечисленным основаниям. Вторая относится к возможному предвзятому обращению при суде, наказании, содержании под стражей или ограничении личной свободы после выдачи. Перечень включает, помимо прочего, политические взгляды, пол и сексуальную ориентацию. Эти положения нельзя без проверки переносить на остальные режимы британской передачи или выдачи. [2]

Для первой ветви важны сведения о происхождении запроса и связи уголовного механизма с предполагаемой целью. Для второй могут быть существенны индивидуальные признаки будущего обращения, даже если начальное расследование имело законное основание. Поэтому доказательственная записка должна рассматривать обе версии отдельно. Документ, подтверждающий обоснованность обвинения, не обязательно отвечает на вопрос о дискриминации после передачи. И наоборот, сведения об общем состоянии судов не доказывают автоматически, что именно этот запрос направлен на наказание за политические взгляды.

Корректная последовательность анализа включает установление применимой нормы, восстановление версии запрашивающего государства и затем проверку конкретного возражения. Необходимо иметь текст запроса или максимально точное изложение предъявленных фактов, решения о мере пресечения, сведения о стадии производства и документы, связывающие лицо с предполагаемыми операциями. Без них политическая аргументация рискует отвечать на публичный пересказ обвинения, а не на юридическое основание передачи.

В отдельной группе находятся гарантии обращения после выдачи. Их наличие не устраняет вопрос о цели преследования одним фактом дипломатического обещания. Но и утверждение политической мотивации не делает ненужным анализ риска для жизни, обращения и справедливости процесса по применимым самостоятельным основаниям. Если препятствие выдаче может быть обосновано без установления политической цели, его следует рассматривать независимо, не подчиняя доказательственно более сильный довод спорной общей характеристике дела.

Вывод об отказе в выдаче должен передаваться с указанием основания. Отказ из-за политического риска, недостаточности документов, процессуального дефекта либо иного препятствия имеет разные последствия для последующего анализа. Полезно получить мотивированное решение целиком, проверить вступление в силу и отделить основные мотивы от дополнительных замечаний. Пресс-релиз об «экстрадиционной победе» не позволяет установить ни юридический тест, ни то, какие утверждения были приняты судом.

5. Международная защита и актуальное право ЕС

Для целей международной защиты экономическое обвинение не создаёт презумпции ни обычного преследования, ни преследования политического. Руководство UNHCR разграничивает уголовную ответственность и преследование, обращая внимание на чрезмерность наказания, дискриминационное применение закона и использование обвинения как предлога. Это официальный интерпретационный материал, а не самостоятельная норма, отменяющая требования Конвенции о статусе беженцев или применимого регионального законодательства. [3, §§ 56-60, 80-86]

По состоянию на дату среза необходимо учитывать Регламент (ЕС) 2024/1347 в государствах, связанных этим актом. Его применение началось 12 июня 2026 года: первоначально опубликованная в статье 42 дата 1 июля 2026 года была исправлена. Поэтому ссылки только на Директиву 2011/95/ЕС как на неизменно действующий общий режим для сентября 2026 года недостаточны. При рассмотрении конкретного заявления дополнительно проверяются временная применимость, участие государства и процессуальное регулирование; настоящая работа не разрешает все переходные ситуации. [4; 15-16]

Статья 9 Регламента связывает преследование с достаточно серьёзным нарушением основных прав либо совокупностью мер сопоставимой тяжести. Среди возможных форм прямо названы дискриминационные правовые и процессуальные меры, непропорциональное или дискриминационное уголовное преследование либо наказание, а также отказ в судебной защите, приводящий к соответствующему наказанию. Следовательно, обычная ошибка следствия и преследование в смысле права убежища не тождественны. Анализ должен показать требуемую серьёзность и связь с основанием защиты. [4, ст. 9]

Политические убеждения понимаются через отношение к возможным субъектам преследования, их политике или методам; не обязательно, чтобы заявитель уже действовал в соответствии с такими взглядами. Эта конструкция позволяет исследовать политическое значение сопротивления коррупционному давлению, не ограничиваясь партийным членством. Но наличие имущественного интереса не освобождает от доказательства

причинной связи: почему предполагаемый преследователь воспринимает действия именно как политическое сопротивление, а не только как препятствие получению денег? [4, ст. 10; 5]

Для практического анализа важны также статьи 6 и 7 о субъектах преследования и защиты. Когда давление исходит от частных лиц, необходимо исследовать способность и готовность соответствующих субъектов обеспечить защиту, её эффективность и доступность. Слово «связи» само по себе ничего не доказывает. Требуются данные о конкретных контактах, вмешательстве в производство, реакции на жалобы и механизме использования государственных полномочий. Необязательно иметь прямое письменное распоряжение, однако причинная конструкция должна опираться на проверяемые обстоятельства. [4]

Наконец, наличие опасений преследования не устраняет проверку оснований исключения. Статья 12 Регламента требует самостоятельного анализа, в частности в связи с серьёзным неполитическим преступлением при предусмотренных нормой условиях. Нельзя объявлять любое экономическое обвинение основанием исключения, но нельзя и игнорировать конкретные сведения о личной ответственности, сославшись на оппозиционный статус. Защита от возвращения, признание беженцем и оценка уголовной ответственности образуют связанные, но отдельные юридические вопросы.

6. P.I.: защита бизнеса и приписываемая политическая позиция

Решение Суда ЕС от 12 января 2023 года по делу C-280/21, P.I., важно для ситуаций, когда заявитель не строит аргумент на публичной партийной деятельности. В пункте 40 Суд разъяснил, что понятие политических убеждений в статье 10(1)(e) и (2) Директивы 2011/95 может охватывать попытки правовыми средствами защитить личные имущественные и экономические интересы от незаконно действующих негосударственных субъектов. Существенны их коррупционные связи с государством, позволяющие использовать уголовно-карательный механизм против заявителя, и восприятие его попыток как противодействия или сопротивления таким субъектам, их политике либо методам. [5]

Это условная правовая конструкция, а не правило «любой корпоративный конфликт равен политическому преследованию». В ней можно выделить несколько проверяемых связей: незаконные действия частного субъекта; возможность задействовать государственное принуждение; правовая защита интересов заявителем; восприятие этой защиты как сопротивления; использование механизма наказания в соответствующем контексте. Выпадение одного звена требует объяснения и может изменить квалификацию. Сам размер бизнеса, богатство оппонента или знакомство с чиновником не восполняют отсутствующую связь.

Для доказательственного досье это означает необходимость исследовать реакцию на сопротивление. Например, юридически значимым может оказаться содержание угрозы после обращения в суд или отказа подписать соглашение, если оно показывает, что субъект связывает неповиновение со своим положением и возможностью уголовного воздействия. Однако гипотетическая угроза в настоящем докладе не является установленным фактом какого-либо дела. Чтобы использовать реальный материал, необходимы исходная запись, установление автора, дата, полный контекст и объяснение связи с последовавшей мерой.

Политическая характеристика может быть приписана человеку независимо от того, считает ли он себя политическим активистом. Поэтому отсутствие партийного билета не завершает анализ. Одновременно самописание заявителя как «борца с системой» не заменяет сведения о восприятии со стороны предполагаемого преследователя. Методологически центр тяжести переносится с декларации личности на механизм угрозы и причинную связь. Это особенно существенно там, где экономические, личные и публично-властные интересы переплетены.

Решение 2023 года толковало Директиву 2011/95, а не последующий Регламент 2024/1347. Его использование в срезе 2026 года требует сопоставления соответствующих положений, а не молчаливой замены одного акта другим. Сохранение в статье 10 нового Регламента конструкции политических убеждений, относящихся к субъектам преследования, их политике или методам, делает это толкование значимым ориентиром. Однако конкретное применение нового режима остаётся юридическим вопросом соответствующего производства. [4-5]

Предел использования источника в этом докладе намеренно узкий: анализируется проверенная резолютивная формулировка пункта 40. Не утверждается, что Суд ЕС сам предоставил заявителю убежище, установил виновность конкретных должностных лиц или окончательно разрешил все фактические обстоятельства национального спора. Преюдициальное толкование нормы должно быть отделено от последующей оценки фактов компетентным органом. Именно это различие позволяет использовать дело как методологический ориентир без преувеличения его результата.

7. Merabishvili: смешанные цели и изменение во времени

В деле Merabishvili v. Georgia Большая палата ЕСПЧ 28 ноября 2017 года сформулировала подход к ограничениям, одновременно преследующим допустимую и ненадлежащую цели. Само наличие постороннего интереса не означает автоматического нарушения статьи 18. Необходимо определить, какая цель была преобладающей, оценив совокупность обстоятельств. При ддящемся ограничении эта оценка может изменяться: первоначально правомерная цель не гарантирует правомерность использования меры на всём протяжении её действия. [6, §§ 303-308]

Этот подход предохраняет от двух противоположных ошибок. Первая - считать, что наличие разумного подозрения исключает злоупотребление содержанием под стражей. Вторая - считать, что любой политический выигрыш властей автоматически превращает меру в нарушение статьи 18. Суд исследует не абстрактную возможность выгоды, а то, что действительно определяло ограничение в конкретной ситуации. Для экономических дел это означает раздельную оценку основания расследования и назначения конкретного принудительного инструмента.

В Merabishvili общий политический контекст не был признан достаточным доказательством того, что содержание под стражей преимущественно служило устранению заявителя с политической сцены. Преследование бывших высокопоставленных лиц допускало и другое объяснение - привлечение к ответственности за предполагаемые нарушения, которые ранее не расследовались. Суд также не приравнивал недостатки мотивировки продления заключения

к самостоятельному доказательству политической цели. Эти отрицательные выводы являются существенной частью методологии решения. [6, §§ 320-328]

Иной результат был связан с конкретным эпизодом тайного вывоза заявителя из камеры для получения информации о смерти Зураба Жвани и банковских счетах Михаила Саакашвили. Суд оценил совокупность свидетельств, объективно проверяемых обстоятельств, пробелов расследования и объяснений государства. Он пришёл к выводу, что преобладающая цель ограничения со временем изменилась: от расследования предполагаемых преступлений к получению указанной информации. Установлено нарушение статьи 18 во взаимосвязи со статьёй 5(1). [6, §§ 335-354]

В доказательственной части Большая палата отказалась от особого правила, ограничивающего анализ исключительно прямыми доказательствами скрытой цели. Применяется обычный подход ЕСПЧ, включая достаточно сильные, ясные и согласованные выводы из обстоятельств. Используемое Судом выражение «вне разумного сомнения» не следует автоматически отождествлять с национальным уголовным стандартом. Суд оценивает весь материал и учитывает ситуации, когда необходимые сведения находятся исключительно у государства. [6, §§ 309-317]

Практический вывод - строить хронологию не только обвинения, но и назначения меры. Необходимо установить, когда возникло постороннее требование, какие основания ограничения сохранялись к тому времени, кто мог обещать прекращение или смягчение процесса и что последовало после отказа. Даже убедительное доказательство давления в определённый период не даёт основания без дополнительного анализа объявлять каждое предшествующее действие частью единого замысла. Точность временной границы усиливает вывод, а не ослабляет его.

8. Gusinskiy: уголовное принуждение как коммерческий рычаг

В *Gusinskiy v. Russia*, решение от 19 мая 2004 года, ЕСПЧ рассматривал использование лишения свободы в контексте передачи медиабизнеса. Для настоящего исследования важно не сводить дело к известному политическому окружению заявителя. Суд исследовал документальную связь между прекращением уголовного преследования и соглашением о продаже Media-Most структуре Gazprom, а также участие министра печати в соответствующей договорённости. [7, §§ 70-78]

Суд не исходил из того, что всё первоначальное подозрение заведомо отсутствовало. В анализе статьи 5 он отдельно рассматривал разумность подозрения и законность лишения свободы. В части статьи 18 решающей стала конструкция, при которой уголовное производство и содержание под стражей использовались как средство коммерческого торга. Связь подтверждалась не одной оценкой заявителя: значение имели соглашение, государственное участие и последующее процессуальное решение, связанное с передачей акций. [7, §§ 52-55, 69, 75-78]

Из этого дела следует сильный, но ограниченный вывод. Ненадлежащая цель может быть установлена через согласованную последовательность официальных и коммерческих действий. Однако нельзя подменять установленную Судом коммерческую функцию

ограничения всеми политическими утверждениями стороны. Для применения нормы об убежище по политическим убеждениям или конкретного экстрадиционного запрета потребуется показать именно ту дополнительную связь, которую требует соответствующая норма.

Рабочая проверка аналогичной ситуации должна включать содержание предполагаемого обмена. Что именно требовалось: возмещение документированного ущерба в предусмотренной законом процедуре, добровольное урегулирование, передача контроля несвязанному бенефициару или отказ от публичной деятельности? Кто формулировал условие и обладал ли влиянием на процесс? Было ли требование зафиксировано до уступки? Совпадали ли обещанные и реально наступившие процессуальные последствия? Эти вопросы позволяют отличить подозрительную синхронность от доказанного механизма принуждения.

Нельзя также объявлять любую реституцию или соглашение о компенсации противоправным давлением. Национальные правовые порядки могут предусматривать законные последствия возмещения вреда. Значение имеет конкретная правовая основа, добровольность, предмет сделки, роль должностных лиц и связь меры пресечения с посторонним интересом. Если актив передаётся в рамках законного исполнения судебного решения, это другая исходная ситуация, чем навязывание частной сделки через заключение под стражу.

Для финансовой экспертизы полезно отдельно анализировать стоимость передаваемого актива, структуру контроля и фактического выгодоприобретателя. Но оценка рыночной цены не заменяет доказательства цели государственного принуждения. Даже невыгодная сделка может иметь обычное коммерческое объяснение; даже сделка по справедливой цене может сопровождаться недопустимым ограничением свободы. Поэтому юридическая и экономическая части должны проверять разные звенья одной конструкции, сохраняя самостоятельность выводов.

9. Kezerashvili: нарушение процесса не доказывает скрытую цель

Решение *Kezerashvili v. Georgia* от 5 декабря 2024 года, вступившее в силу 5 марта 2025 года, представляет важный противовес чрезмерно широким выводам. Заявитель был связан с политической жизнью Грузии, занимал государственные должности и впоследствии имел отношение к критически настроенному телевизионному каналу. Рассматриваемое производство касалось экономического обвинения. Но наличие политического фона не предрешило оценку каждого конвенционного довода. [8]

ЕСПЧ установил нарушение требования беспристрастности суда в связи с участием в рассмотрении дела судьи, ранее занимавшего должность генерального прокурора в релевантный период. Этот вывод относится к конкретным обстоятельствам и не устанавливает автоматическую невозможность участия любого бывшего прокурора в любом уголовном деле. В других аспектах оценки справедливости Суд не счёл себя основанием для повторного разрешения уголовного спора вместо национальных судов. [8, раздел о статье 6]

Особенно существенно, что довод по статье 18 был признан явно необоснованным, то есть неприемлемым. Неправильно пересказывать этот результат как отдельное решение по существу об отсутствии нарушения статьи 18. Суд подчеркнул, что установленное

нарушение беспристрастности само по себе не доказывает ненадлежащую цель, а широкий политический контекст не создаёт иммунитета от уголовного преследования. Доказательственная связь требовала самостоятельного обоснования. [8, §§ 128-133]

В решении обсуждаются также отказ в экстрадиции во Франции и Великобритании и удаление данных INTERPOL. Настоящий доклад использует эти обстоятельства только в том виде, в каком они изложены ЕСПЧ; самостоятельная проверка полных иностранных решений не заявляется. Суд не признал эти результаты автоматическим доказательством того, что рассматриваемое им национальное производство преследовало запрещённую цель. Различия предмета и направленности оценки сохраняли значение. [8, § 129]

Другой полезный аспект - оценка публичного высказывания политического руководителя. Изолированная фраза, особенно вырванная из обсуждения и последующего уточнения, не обязательно подтверждает распоряжение суду или причинную связь с приговором. Временная близость заявления и решения также требует дополнительных данных. Методологический урок состоит в необходимости читать стенограмму целиком, выяснять адресата и проверять полномочия, а не превращать эмоционально убедительную цитату в самостоятельное доказательство вмешательства. [8, §§ 67-71, 132]

Kezerashvili не доказывает отсутствия политического злоупотребления во всех производствах против заявителя или в государстве в целом. Его значение уже и полезнее: он показывает, какие переходы от факта к выводу могут быть недостаточно обоснованы. Нарушение права на справедливое разбирательство требует собственного устранения независимо от успеха политического аргумента. В профессиональной записке следует одновременно сохранить установленное нарушение и честно обозначить, какой дополнительный вывод из него сделать не удалось.

10. INTERPOL: нормативная рамка и предмет проверки ССФ

Статья 3 Конституции INTERPOL запрещает Организации вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера. Статья 2 связывает полицейское сотрудничество с применимыми законами и духом Всеобщей декларации прав человека. Для обработки данных эти требования конкретизируются Правилами обработки данных, далее RPD. Проверка политического характера и проверка соблюдения фундаментальных прав связаны, но не должны растворяться друг в друге. [9-11]

Статья 34(3) RPD требует учитывать все относящиеся к делу сведения и перечисляет семь факторов: характер преступления, включая обвинения и лежащие в их основе факты; статус затронутых лиц; личность источника данных; позицию другого национального центрального бюро или международного образования; обязательства международного права; последствия для нейтральности Организации; общий контекст. Этот перечень не является таблицей фиксированных весов. Его применение предполагает оценку конкретного дела, а не подсчёт политических признаков. [10]

Экономическая квалификация сама по себе не отвечает на вопрос статьи 3. Необходимо проверить фактическое содержание запроса: что именно вменяется человеку, какая операция описана, какова предполагаемая роль, когда совершены действия и каким образом они

связаны с ущербом или выгодой. В то же время наличие должности, оппозиционной связи или публичного конфликта не устраняет общеуголовного содержания конкретных фактов. В опубликованных решениях CCF эти элементы анализируются совместно. [12-13]

Важно правильно определить объект обращения. Красное уведомление, диффузия и запись о документе в базе SLTD различаются по назначению и нормативным условиям. Довод, направленный против международного розыска лица, не следует механически переносить на спор о статусе паспорта. В каждом случае необходимо установить, какие данные обрабатываются, какой орган является их источником, какой юридический или фактический дефект заявляется и какое исправление требуется. Решение CCF 2024-03 иллюстрирует именно спор о SLTD. [14]

Контроль CCF не заменяет рассмотрение уголовной виновности и национальное экстрадиционное производство. Это прямо отражено, например, в решении 2023-04. Достаточная конкретность сведений о возможной причастности для обработки данных не тождественна доказанности обвинения в уголовном суде. Аналогично удаление данных не следует публично пересказывать как оправдание, отмену национального ордера или универсальный запрет любой последующей правовой процедуры. [13, § 39]

Практическая аргументация должна соединять политический довод с проверкой качества фактов. Если сведения описывают только должность человека, но не его предполагаемые действия, это самостоятельный вопрос конкретности. Если действия подробно изложены, необходимо ответить на них, а не заменять ответ общим страновым обзором. Если обнаружена скрытая цель, следует показать, как она влияет на соответствие обработки правилам INTERPOL. Такой подход позволяет не перегружать статью 3 доводами, которые точнее относятся к другим требованиям.

11. Опубликованные решения CCF: что усиливает и ослабляет довод

В опубликованной выдержке 2019-09 CCF рассматривала аргументы о политическом характере и частной природе спора. Связь заявителя, занимавшего высокую управленческую позицию в государственной компании, с прежней администрацией не была признана достаточной сама по себе. Комиссия учитывала описанные факты предполагаемого личного участия, экономическую составляющую и сведения о возможной личной выгоде. Политические элементы не были признаны преобладающими. [12, §§ 25-31]

Это решение важно для разграничения управленческого статуса и политической роли. Назначение при определённом правительстве может объяснять контекст, но не устанавливает автоматически преследование за лояльность этому правительству. Для более сильного вывода потребовались бы индивидуализированные сведения о выборе цели, давлении, характере действий или связи преследования с конкретной политической позицией. При этом изложенные национальным бюро обвинения остаются обвинениями: CCF не превращает их своим решением в уголовный приговор.

В выдержке 2023-04 заявитель отрицал участие в деятельности организации и ссылался, среди прочего, на отсутствие формальной связи по регистрационным данным. Национальное бюро объясняло предполагаемое фактическое руководство, финансовые решения и движение

средств, ссылаясь на документы и иные материалы. CCF сочла сведения достаточно конкретными для установления возможной причастности в пределах своего мандата. Отсутствие имени в реестре не было признано исчерпывающим ответом на версию о фактическом управлении. [13, §§ 28-39]

Для методологии это означает, что формальный корпоративный статус и реальная роль должны проверяться отдельно. Защита может опровергать конкретные распоряжения, доступ к счетам, получение выгоды и достоверность свидетельств. Но отрицание одного регистрационного признака не опровергает автоматически всю финансовую конструкцию. С другой стороны, утверждение о «фактическом руководителе» тоже нуждается в конкретизации: оно не должно служить способом заменить отсутствующие факты общим ярлыком.

В том же решении CCF не сочла достаточными общие утверждения о рисках, связанных с гражданством, межгосударственной обстановкой и критикой внешней политики. Комиссия рассматривала конкретные объяснения бюро по процессуальным претензиям. Отдельно было установлено, что представленный документ о проживании не подтверждал тот статус международной защиты, на который рассчитывал заявитель. Это показывает важность точного юридического описания миграционных документов и отказа от предположения, что любое право пребывания означает признание политического преследования. [13, §§ 17-19, 35-43]

В выдержке 2024-03 объектом была запись SLTD в отношении аннулированного паспорта. Комиссия сопоставила объяснения заявителя с представленными бюро правовыми и процессуальными основаниями. Общие материалы о ситуации в стране не восполнили отсутствие конкретных сведений о злоупотреблении каналами INTERPOL в рассматриваемой ситуации. Из этого нельзя выводиться, что страновая информация не имеет значения вообще. Вывод уже: её необходимо связать с конкретным лицом, записью и предполагаемым нарушением. [14, §§ 11-16]

12. Repository INTERPOL: сопоставление противоположных примеров

Официальный Repository of Practice по статьям 2 и 3, третье издание ноября 2024 года, содержит иллюстрации практики Организации. Это полезный интерпретационный источник, но не набор полностью опубликованных судебных дел. Анонимизированные примеры не позволяют самостоятельно восстановить все доказательства или проверить национальную историю. В докладе они используются для сопоставления логики оценки, без установления личностей и государств, скрытых в публикации. [11, раздел 3.1]

В одном из примеров обвинение бывшего президента было связано с экономической политикой и предполагаемым вредом казне, при этом контекст включал смену власти неконституционным путём, а сведений о личной выгоде не было. INTERPOL оценил дело как политическое. В других примерах обвинения бывших высокопоставленных лиц в коррупции и личном обогащении сохраняли общеуголовный характер. Эти различия показывают, почему содержание фактов важнее одного признака «бывший руководитель государства».

Сопоставление не означает, что отсутствие личного обогащения всегда исключает экономическое преступление. Во многих возможных правовых конструкциях неправомерное действие может совершаться в пользу третьего лица или без личной прибыли. Поэтому отсутствие выгоды - лишь элемент более широкой проверки: вменяется ли конкретное незаконное действие или политико-экономическое решение само по себе ретроспективно переописывается как преступление? Какова связь с действовавшими полномочиями, процедурой и реальным ущербом?

Другой пример Repository касается оппозиционного муниципального руководителя и обвинений, возникших в контексте отказа уйти с должности. Здесь значение имела совокупность обстоятельств, включая последовательность событий и позиции международных субъектов. Нельзя извлечь из него универсальное правило о политическом характере любого дела после отказа от отставки. Но он показывает, как конкретное требование и последующая процессуальная активность могут образовать проверяемую причинную конструкцию.

В противовес этому Repository приводит пример финансовых обвинений, связанных с политическим финансированием, где общеуголовный компонент был признан преобладающим. Сам факт отношения денег к политической деятельности не исключает расследования их происхождения или использования. Необходимо отличать наказание за законную поддержку политической силы от преследования конкретного предполагаемого хищения, подлога или иной запрещённой операции. Политическая цель расходования средств не создаёт автоматической правомерности способа их получения.

Практическая ценность сопоставления состоит в постановке встречных вопросов. Какие факты позволили отличить обычное финансовое обвинение от наказания за политическое решение? Что подтверждало личную роль? Было ли документировано постороннее требование? Какие международные позиции действительно относились к конкретному лицу? Ответы следует искать в собственном материале, а не выбирать из Repository наиболее похожую биографию. Аналогия полезна только после проверки юридически значимых различий.

13. Хронология: от последовательности событий к причинной связи

Хронология - необходимый инструмент, но её убедительность часто переоценивают. Формула «сначала конфликт, затем уголовное дело» показывает последовательность, а не обязательно причинность. Между событиями может находиться новое заявление потерпевшего, аудит, обнаружение документов, изменение доступности свидетелей или иное объяснение. Профессиональная проверка должна включать эти промежуточные события даже тогда, когда они осложняют первоначальную гипотезу.

Для каждого эпизода следует фиксировать как минимум дату самого действия, дату его документирования и дату, когда о нём узнал соответствующий субъект. Если обвинение касается старой сделки, это ещё не означает, что органы давно располагали необходимыми сведениями. Напротив, если полный комплект материалов годами находился у компетентного органа и активность возобновилась непосредственно после политического

конфликта, вопрос об объяснении задержки становится более содержательным. Оба варианта требуют документов, а не предположений.

Полезно вести две параллельные линии: экономическую и процессуально-политическую. В первой отражаются договоры, платежи, решения органов управления, аудит и возникновение ущерба. Во второй - публичные действия, угрозы, обращения за защитой, смена должностных лиц и меры принуждения. Сопоставление показывает, где имеется реальная точка пересечения. Если линии просто расположены рядом без объяснения механизма, графическая наглядность не превращает их в доказательство.

Merabishvili позволяет уточнить этот подход: исследуется не только начало ограничения, но и изменение его назначения. Следует отдельно отметить момент, когда возникло постороннее требование, и состояние законных оснований меры на тот же момент. Для экономического спора это может быть переход от расследования операции к принуждению отказаться от актива или предоставить информацию о третьих лицах. Однако такие сценарии в рабочей модели остаются гипотезами до документального подтверждения. [6]

Особое значение имеют отрицательные контрольные события. Продолжалось ли расследование после политического примирения? Прекращались ли меры после передачи актива? Применялись ли они к лицам той же группы, которые выполнили предполагаемое требование? Есть ли факты, несовместимые с предложенной причинной версией? Исследователь должен искать их специально. Если модель объясняет любое событие одинаково и не допускает опровержения, её проверяемость утрачивается.

Итог хронологического анализа должен формулироваться соразмерно материалу. «Временная связь установлена, механизм влияния не подтверждён» - допустимый и полезный результат. Более сильный вывод возможен, когда последовательность сочетается с прямым условием, документированным доступом к процессуальному решению и фактическим исполнением обещания. Не требуется искусственно выбирать между категорическим отрицанием и категорическим признанием политической мотивации, если доказательства поддерживают промежуточный вывод.

14. Избирательность: как выбирать сопоставимые случаи

Утверждение об избирательном преследовании требует определить, с кем сравнивается заявитель. Участники одной сделки могут занимать разные роли, обладать разной информацией, получать неодинаковую выгоду или сотрудничать со следствием. Сравнение только по должности, отрасли или размеру бизнеса недостаточно. Необходимо объяснить, почему выбранные лица действительно сопоставимы по обстоятельствам, существенным для применения уголовного закона и меры принуждения.

Рабочая сравнительная запись должна содержать описание предполагаемого действия каждого лица, объём полномочий, время участия, доступные сведения о доказательствах, процессуальный статус и известное объяснение различия. Политическая принадлежность включается отдельным признаком, а не используется как единственный принцип отбора. Если сопоставимая группа сформирована только из публично известных оппозиционеров, исследование заранее исключает случаи, которые могли бы опровергнуть гипотезу.

Отсутствие сведений о преследовании другого участника не равнозначно установленному отсутствию расследования. Оно может быть непубличным, находиться на иной стадии или относиться к другому производству. Поэтому следует различать «проверено, что мера не применялась», «в доступных материалах сведений нет» и «информация недоступна». Только первая формулировка позволяет уверенно использовать отсутствие меры как факт; остальные описывают ограничение знания.

Обоснованная гипотеза избирательности возникает, когда сходные действия оцениваются различно и объективное объяснение не находится, а различие устойчиво связано с защищаемым признаком или посторонним требованием. Но даже такая гипотеза должна быть соотнесена с конкретной нормой. Для убежища существенна связь преследования с соответствующим основанием; для статьи 18 - цель ограничения; для ССФ - оценка обработки с учётом фактов и контекста. Один сравнительный материал может выполнять разные функции.

Merabishvili предупреждает против простого вывода из массовости преследования представителей прежней власти. Такая картина может отражать как политическую расправу, так и расследование нарушений, которые ранее не могли быть рассмотрены. Суд анализировал и решения в пользу отдельных обвиняемых, не позволяя общей версии поглотить противоположные факты. Для исследователя это означает необходимость включать освобождения, отказы в аресте и оправдания, если они относятся к сопоставимому контексту. [6, §§ 322-328]

В настоящем докладе не рассчитывается доля избирательных производств и не предлагаются национальные рейтинги. Для этого потребовалась бы определённая совокупность дел, воспроизводимые критерии включения, данные о непреследуемых участниках и контроль различий. Публикации по отдельным резонансным историям такой базы не дают. Качественная сравнительная проверка остаётся возможной, но её результат нельзя представлять как статистически установленную системность.

15. Угрозы, публичные заявления и связь с государственным решением

Прямое высказывание может существенно усилить доказательство цели, если точно установлен его смысл и источник. Необходимо различать политическую оценку, обещание законного расследования, преждевременное утверждение виновности и условную угрозу: совершите определённое действие, иначе последует уголовное воздействие. Эти формы имеют разное значение. Резкая риторика может быть важна для других правовых вопросов, но не всегда показывает фактическое руководство конкретным процессуальным решением.

Первичная проверка включает запись или подлинный текст, дату, аудиторию, полный контекст, перевод и последующие уточнения. Короткий видеоклип, пересказ журналиста или цитата без соседних фраз должны маркироваться как ограниченные источники. Если перевод меняет модальность - например, превращает предположение в обещание или политическое пожелание в распоряжение, - юридический вывод может оказаться построенным на редакционной ошибке.

Следующий вопрос - возможность влияния. Должность автора заявления важна, но не заменяет анализа его полномочий и фактической связи с органом, принявшим решение. Частный конкурент может угрожать использованием связей, которых у него нет. Высокопоставленное лицо может комментировать дело, не определяя судебного результата. Для усиления причинной версии нужны дополнительные обстоятельства: подтверждённые контакты, согласованные действия, доступ к непубличной информации или исполнение ранее сформулированного условия.

В Kezerashvili ЕСПЧ исследовал контекст высказывания и не счёл его вместе с временной близостью достаточным для вывода о скрытой цели. Этот пример не делает публичные заявления незначимыми. Он показывает, что их вес определяется содержанием и связью с конкретной мерой. В Merabishvili, напротив, содержание требования рассматривалось в сочетании с обстоятельствами тайной встречи, возможностью прекращения преследования и поведением властей после события. [6; 8]

При работе со свидетельством об устной угрозе необходимо отдельно оценить, когда оно впервые было зафиксировано, кому сообщено, сохранялась ли последовательность и какие независимые данные доступны. Зависимость свидетеля от заявителя не делает его сведения автоматически ложными; связь с органом власти не делает сведения автоматически достоверными. Проверяются возможность наблюдения, точность воспоминания и согласованность с объективными документами. Отсутствие аудиозаписи не должно превращаться в автоматический отказ от оценки иных доказательств.

Наконец, публичность обвинения может создавать репутационный ущерб без доказанной политической цели. Если заявитель оспаривает нарушение презумпции невиновности, этот вопрос следует называть отдельно. Смешение всех претензий в один тезис о «политическом заказе» затрудняет рассмотрение: адресату приходится либо принять слишком широкий вывод, либо отвергнуть вместе с ним подтверждённые более узкие нарушения. Разделение требований делает доказательственную позицию точнее.

16. Экономическая основа обвинения и альтернативные объяснения

Проверка политического аргумента не должна обходить финансовую часть. Необходимо установить, что именно утверждает обвинение: отсутствие реальной поставки, вывод средств, сокрытие дохода, злоупотребление полномочиями, фиктивную документацию или иной конкретный механизм. Термины «ущерб», «выгода» и «контроль» требуют раскрытия. Убыток компании не равнозначен хищению; участие в управлении не доказывает знания о каждой операции; отсутствие формальной должности не исключает фактического руководства.

Первая задача - отделить подтверждённое движение денежных средств от правовой интерпретации. Банковская выписка может подтверждать перевод, но не сама по себе его преступную цель. Договор подтверждает заявленное основание, но не обязательно реальность исполнения. Экспертное заключение содержит выводы в пределах представленных данных и методики. Для каждого звена необходимо отметить, что именно доказано документом и какое дополнительное предположение требуется для версии обвинения или защиты.

ССФ 2023-04 показывает, почему регистрационное отрицание связи с компанией может оказаться недостаточным против конкретной версии фактического управления. Но обратный вывод также ограничен: подробное описание национального бюро не освобождает исследователя от проверки, различает ли оно прямое наблюдение, показания заинтересованных лиц и выводы эксперта. Внешний орган может иметь ограниченный мандат и не разрешать все противоречия по существу. Это необходимо учитывать при пересказе результата. [13]

При оценке экспертных материалов полезно проверить источник исходных данных, полноту периода, валюту, метод расчёта ущерба, учёт встречного исполнения и альтернативных сценариев. Не следует выдавать финансовую неопределённость за доказанную фабрикацию. Ошибка расчёта может быть добросовестной; разногласие экспертов может касаться допустимой методики. Более сильный довод о злоупотреблении возникает при документированной подмене данных, игнорировании известных опровергающих материалов или использовании заведомо несопоставимых величин - при условии, что эти обстоятельства действительно установлены.

Особое внимание требуется к ретроспективной криминализации управленческого выбора. Решение, которое позже привело к убытку, необходимо оценивать с учётом доступной на момент принятия информации, полномочий, процедуры и применимого закона. Однако ссылка на предпринимательский риск не даёт иммунитета от расследования предполагаемого обмана или присвоения. Правильный вопрос - какое конкретное противоправное действие вменяется помимо неблагоприятного результата и чем подтверждается соответствующий элемент.

Альтернативная версия должна быть изложена в наиболее сильной документально допустимой форме. Если обвинение может объясняться новым аудитом, обнаружением скрытых платежей или жалобами независимых потерпевших, эти факты следует включить в анализ. Убедительность политической гипотезы оценивается после такого сопоставления. Исследовательская честность состоит не в нейтрализации каждого неблагоприятного факта, а в объяснении, какие факты гипотеза выдерживает, какие требуют уточнения и какие ей противоречат.

17. Процессуальные нарушения и использование зависимости

Нарушение процессуальной гарантии и скрытая цель - разные утверждения. Отказ в доступе к материалам, недостаточная мотивировка заключения, проблемы беспристрастности или несвоевременное уведомление могут иметь самостоятельное юридическое значение. Но для политической квалификации необходимо объяснить, как дефект связан с предполагаемым мотивом. Kezerashvili и Merabishvili показывают, что даже установленное нарушение не всегда поддерживает дополнительный вывод о цели. [6; 8]

Полезно различать единичную ошибку, устойчивую асимметрию и инструментальное использование процедуры. Единичный дефект может быть исправлен и не раскрывать намерения. Асимметрия требует сравнения: одинаково ли рассматриваются ходатайства сторон, доступны ли ключевые доказательства, мотивируются ли отклонения. Инструментальное использование предполагает более определённую связь: ограничение

становится условием выполнения постороннего требования, например передачи имущества или предоставления информации, не относящейся к допустимой цели меры.

Для анализа содержания под стражей необходимо восстановить последовательность решений и их основания. Повторение стандартной формулы может быть процессуальной проблемой, но не само по себе доказательством политического давления. Доказательственное значение повышается, если одновременно появляются посторонние требования, исчезают ранее заявленные риски, а освобождение увязывается с действием, не связанным с обеспечением процесса. При этом вывод должен относиться к конкретному периоду, а не автоматически ко всей истории дела.

Давление на родственников, сотрудников и деловых партнёров также требует индивидуализации. Следует установить, какие меры применялись, каковы их официальные основания, имелась ли связь этих лиц с предполагаемой операцией и формулировалось ли условие, адресованное основному заявителю. Сам факт нескольких производств в одной деловой группе может объясняться общей финансовой схемой. Версия давления становится сильнее при конкретных доказательствах, что воздействие использовалось для получения посторонней уступки.

Сведения о недоступности доказательств необходимо описывать точно. «Материал отсутствует в открытом доступе», «не предоставлен защите» и «не существует» - разные утверждения. Если государство контролирует документ, это может влиять на оценку доказательств в определённой процедуре, но не даёт исследователю права самостоятельно заполнить пробел вымышленным содержанием. Merabishvili допускает выводы из поведения государства и совокупности обстоятельств в рамках подхода ЕСПЧ; это не универсальное разрешение считать доказанным любое неподтверждённое обвинение. [6, §§ 311-317]

Итоговая записка должна сохранять самостоятельные процессуальные основания защиты даже при недостаточной доказанности политической цели. Это имеет практическое значение: спор о мотиве не должен отвлекать от проверяемого нарушения, для которого доступно конкретное средство правовой защиты. Более узкое, но хорошо подтверждённое требование может быть юридически обоснованнее общей версии, охватывающей множество разнородных событий без доказанной связи.

18. Перенос решений между процедурами и качество источников

Решение другого органа является важным материалом, однако его значение определяется предметом, мотивами, доказательствами и процессуальным статусом. Необходимо получить полный текст, установить дату, окончательность и основание результата. Если доступна только резолютивная часть, можно уверенно сообщить результат в её пределах, но нельзя приписывать органу отсутствующую мотивировку. Конфиденциальность решения не превращает утверждение его обладателя в подтверждённое содержание.

Особенно опасен круговой характер подтверждения. Заявитель сообщает историю журналисту; публикация цитируется в экспертном письме; письмо прилагается к обращению; последующее решение упоминает поданные материалы. Четыре документа могут восходить к одному первоначальному утверждению. Поэтому доказательственная карта должна

показывать происхождение сведений, а не только количество ссылок. Независимость источника определяется способом получения факта, а не организационным статусом автора пересказа.

При использовании решения об убежище следует различать установленное основание защиты и возможные иные основания. Статус мог быть предоставлен по обстоятельствам, не связанным с конкретным экономическим обвинением. Если мотивировка недоступна, это ограничение необходимо сохранить. Аналогично отказ в выдаче может опираться на препятствие, не относящееся к политической цели. Удаление данных INTERPOL может иметь различные нормативные основания. Нельзя выбирать наиболее выгодное объяснение из нескольких возможных без подтверждающего текста.

Kezerashvili показывает, что даже известные благоприятные результаты не освобождают от самостоятельного доказывания перед ЕСПЧ. Это не означает отсутствия у них доказательственного веса. Они могут подтверждать конкретные обстоятельства, раскрывать риск или указывать на ранее исследованные материалы. Но необходимо назвать, какое именно положение переносится и почему оно относится к текущему вопросу. Юридическая сила и фактическая убедительность решения - связанные, но не одинаковые характеристики. [8, § 129]

Анонимизированная практика ССФ требует дополнительной осторожности. Публикация выдержки подтверждает изложенный подход и результат в доступных пределах. Она не раскрывает весь закрытый обмен между сторонами, не позволяет проверять подлинность каждого национального документа и не даёт основания отождествлять дело с известной публичной историей. Поэтому сравнение должно строиться по юридическим признакам, а не по догадкам о личности заявителя.

Для редакционной работы полезно маркировать каждое утверждение как норму, вывод органа, заявление стороны, документально подтверждённое событие или авторскую оценку. Эти отметки могут оставаться в рабочем реестре, но различия должны быть видны в языке финального текста. Формулировки «бюро утверждало», «Комиссия сочла достаточным для обработки» и «уголовный суд установил» не взаимозаменяемы. Именно дисциплина атрибуции защищает аналитический доклад от незаметного превращения версии одной стороны в установленный факт.

19. Проверяемая система признаков без балльной оценки

Предлагаемая система состоит из направлений проверки, а не из условий, автоматически образующих политическое преследование. Каждое направление должно завершаться четырьмя записями: подтверждённые данные; связь с применимой нормой; наиболее сильное альтернативное объяснение; недостающий материал. Если исследователь не может заполнить хотя бы первую или вторую запись, признак остаётся поводом для дальнейшего поиска, а не доказанным элементом вывода.

Первое направление - политическая роль или приписываемая позиция. Проверяются действия, публичные высказывания и восприятие лица предполагаемым преследователем. Контрольный вопрос: объясняет ли эта характеристика выбор меры или лишь описывает

биографию? Второе - постороннее требование. Проверяются содержание условия, автор, возможность влияния и последующее исполнение. Контрольный вопрос: не является ли предполагаемое давление законной процедурой компенсации или иным допустимым процессуальным действием? [5-8; 11-12]

Третье направление - хронология и изменение цели. Проверяются даты получения доказательств, начала конфликта, возникновения требования и продления ограничений. Альтернативами могут быть позднее обнаружение операции или изменение процессуальных рисков. Четвёртое - избирательность. Проверяются сопоставимые лица, роли и решения; отдельно указывается, какие сведения об отсутствии преследования действительно установлены. Политическое различие не должно подменять критерии сопоставимости. [6]

Пятое направление - фактическая основа экономического обвинения. Проверяются конкретные действия, полномочия, движение средств, предполагаемая выгода и качество финансовой экспертизы. Контрольный вопрос: опровергнута ли версия фактической роли или только формальный статус? Шестое - процессуальная асимметрия и использование зависимости. Проверяются ограничения, мотивировка, доступ к защите и связь с требованием. Контрольный вопрос: подтверждена ли скрытая цель либо только самостоятельный процессуальный дефект? [7-8; 12-13]

Седьмое направление - источник международного запроса и его предмет. Проверяются компетенция, вид записи, описание фактов и применимые требования. Восьмое - внешние решения и контекст. Проверяются мотивы, окончательность, независимость исходных данных и отношение к текущему вопросу. Контрольный вопрос: не воспроизводят ли несколько документов одно неподтверждённое сообщение и не переносится ли чужой юридический тест без основания? [8; 10; 14]

Система допускает отдельные результаты. Возможно подтверждение серьёзного процессуального нарушения при недостаточных данных о политической цели. Возможно наличие конкретного политического риска при фактической основе обвинения. Возможно отсутствие достаточной конкретизации для обработки INTERPOL без вывода о невиновности. Возможна ситуация, когда имеющиеся материалы сильнее поддерживают обычное расследование, чем версию злоупотребления. Качественный анализ должен сохранять все эти варианты, иначе он превращается в инструмент подтверждения заранее принятой позиции.

Никакой признак не получает фиксированного веса. Один подлинный документ об обмене уступки на прекращение ограничения может быть содержательнее десятков общих публикаций. Несколько согласованных косвенных доказательств могут иметь значительный вес без прямого признания цели. Но объём материалов и риторическая убедительность не заменяют юридического порога. Финальный вывод должен объяснять, почему совокупность достаточна именно для выбранной процедуры, либо какие дополнительные сведения необходимы.

20. Практический протокол анализа и условные сценарии

Работу целесообразно начинать с краткого процессуального паспорта: лицо, государство, стадия, оспариваемая мера, применимое основание и требуемый результат. Затем составляется нейтральное изложение экономического обвинения, которое его инициатор мог бы признать точным в части содержания, хотя защита оспаривает обоснованность. Это предотвращает анализ упрощённой версии. Только после этого формулируется гипотеза ненадлежащей цели и перечень обстоятельств, которые могли бы её подтвердить или опровергнуть.

На следующем этапе собирается реестр первичных материалов с датами, происхождением, языком и ограничениями доступа. Для каждой существенной фразы будущего документа должно быть ясно, подтверждается ли она нормой, судебным выводом, финансовым документом или заявлением участника. Переводимые фрагменты сверяются с оригиналом; термин «обвинение» не заменяется словом «осуждение», а «достаточность сведений для обработки» - выражением «доказанная вина». Недостающие документы выделяются отдельно.

После восстановления хронологии проводится проверка альтернативной версии. Исследователь должен письменно ответить, какие данные наиболее серьёзно поддерживают законность расследования и какие факты не укладываются в гипотезу давления. Затем материал распределяется по правовым процедурам. Один и тот же документ может быть релевантен нескольким адресатам, но объяснение его юридического значения формулируется заново. Нельзя автоматически копировать экстрадиционную аргументацию в заявление ССФ или заменять ею оценку оснований убежища.

Условный сценарий А: бывший руководитель государственной компании преследуется после смены правительства; имеются конкретные сведения о переводах в его пользу, но нет угроз, требований или сопоставимых непреследуемых участников. Эта модель требует проверки финансовых доказательств и процессуальных гарантий, однако сама по себе не даёт достаточной основы политического вывода. Сходство с биографией оппозиционного деятеля не устраняет необходимость ответить на конкретное обвинение.

Условный сценарий Б: предприниматель подаёт иск против влиятельного контрагента; после этого документируется требование отказаться от иска и передать долю под угрозой заключения; соответствующие меры следуют, а после уступки снимаются. Такая совокупность требует особенно тщательной проверки подлинности и связи участников с процессуальными решениями. При подтверждении она может поддерживать вывод о ненадлежащем использовании принуждения. Политическая квалификация для убежища дополнительно требует анализа восприятия сопротивления и применимого основания защиты, а не возникает только из имущественного давления.

Условный сценарий В: лицо получает отказ в выдаче и сообщает об удалении данных INTERPOL, но мотивировки недоступны. Надлежащий вывод ограничивается подтверждёнными результатами и запросом документов. Нельзя утверждать, что оба органа установили политическую фабрикацию обвинения. Сценарий Г: суд допускает серьёзный дефект беспристрастности, но связь с посторонней целью не подтверждается.

Самостоятельное нарушение сохраняет значение, даже если политический аргумент не доказан. Эти сценарии созданы для объяснения методики и не описывают клиентов ARGА.

Завершающий документ должен содержать факты в хронологическом порядке, правовой тест, сопоставление конкурирующих объяснений и узко сформулированный результат. Предпочтительна формула, позволяющая проверить каждый переход: обстоятельство установлено таким-то источником; оно относится к такому-то элементу нормы; альтернативное объяснение оценено по следующим причинам; оставшееся ограничение не скрывается. Это делает позицию пригодной для критического чтения и последующего обновления при появлении новых материалов.

21. Выводы и рекомендации

Проверяемая оценка возможной политической мотивации требует дисциплины в трёх отношениях: точного выбора юридического вопроса, отдельного анализа фактической основы и цели, а также добросовестной работы с противоположными данными. Нельзя начинать с универсального статуса «политического дела» и затем искать к нему подходящую процедуру. Сначала определяется, какое ограничение или решение оспаривается и какой правовой результат возможен.

Исследованные источники показывают, что политический контекст, должность и временная близость важны, но не самодостаточны. Существенно более конкретную основу дают доказательства механизма использования власти: документированное условие, доступ к процессуальному решению, связь ограничения с посторонним интересом и согласованность последующих действий. При этом реальная экономическая составляющая не исключает злоупотребления отдельной мерой, а установленный процессуальный дефект не всегда подтверждает скрытую цель. [5-8; 11-14]

Для подготовки обращений рекомендуется сохранять единый фактический реестр, но разрабатывать отдельное юридическое объяснение для каждого органа. В реестре следует отличать утверждения сторон от выводов компетентных органов, фиксировать зависимость источников и версию перевода. В аргументации необходимо заранее рассматривать сильнейшее альтернативное объяснение, а в выводах - указывать временные и предметные границы. Отсутствующие данные должны оставаться отсутствующими, а не заменяться предположениями.

Для исследовательских публикаций особенно важен отказ от псевдостатистики. Целевая выборка резонансных решений не позволяет оценить распространённость политического преследования, частоту удовлетворения обращений или надёжность государства в процентах. Анонимизированные выдержки CCF позволяют изучать подходы, но не восстанавливать скрытые дела. Предлагаемая система признаков служит проверке аргументации и не заявляется официальным стандартом либо эмпирически валидированным прогнозом исхода.

Обновление анализа должно происходить при изменении обвинения, появлении мотивированного внешнего решения, новых сведений о риске или применимого права. Срез 2026 года особенно требует внимательности к реформе права ЕС об убежище и исправлениям официальных актов. Исторические решения сохраняют методологическую ценность, но их

нормативная основа должна быть обозначена. Старое толкование нельзя представлять как решение, вынесенное по ещё не существовавшему акту.

ARGA может использовать изложенную методику как исследовательскую рамку для подготовки проверяемых аналитических материалов. Это рекомендация настоящего доклада, а не заявление о внедрённой системе, институциональных полномочиях или подтверждённых результатах организации. Практическая ценность рамки определяется тем, насколько она позволяет независимому читателю увидеть доказательства, проверить причинные связи и понять, где заканчивается установленный факт и начинается оценка.

22. Источники

[1] Европейская конвенция о выдаче, ETS № 024, 13 декабря 1957 года, статья 3. Официальный текст Совета Европы.

[Совет Европы — официальный текст](#)

[2] United Kingdom. Extradition Act 2003, section 81, Extraneous considerations. Действующий текст; проверен также официальный XML.

[legislation.gov.uk — официальный текст section 81](#)

[3] UNHCR. Handbook and Guidelines on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status. Пункты 56–60, 80–86. Официальное руководство, а не самостоятельная обязательная норма.

[UNHCR — Handbook and Guidelines](#)

[4] Регламент (ЕС) 2024/1347 Европейского парламента и Совета от 14 мая 2024 года. Статьи 4, 6–10, 12, 15, 21; статья 42 с исправлением [15–16]. EUR-Lex, CELEX 32024R1347.

[EUR-Lex — Регламент \(ЕС\) 2024/1347](#)

[5] Суд ЕС. P.I., C-280/21, 12 января 2023 года, ECLI:EU:C:2023:13, пункт 40 и резолютивная формулировка. Использовано толкование статьи 10 Директивы 2011/95/ЕС.

[EUR-Lex — C-280/21, P.I.](#)

[6] ЕСПЧ, Большая палата. Merabishvili v. Georgia, № 72508/13, 28 ноября 2017 года, §§ 303–328, 335–354. Проверен официальный французский текст большинства.

[HUDOC — Merabishvili, полный французский текст](#)

[7] ЕСПЧ. Gusinskiy v. Russia, № 70276/01, 19 мая 2004 года, окончательное 10 ноября 2004 года, §§ 52–55, 69–78.

[HUDOC — Gusinskiy v. Russia](#)

[8] ЕСПЧ. Kezerashvili v. Georgia, № 11027/22, 5 декабря 2024 года, окончательное 5 марта 2025 года, в частности §§ 67–71, 118–133 и выводы по статье 6.

[HUDOC — Kezerashvili v. Georgia](#)

[9] INTERPOL. Конституция Организации, статьи 2 и 3. Официальная страница правовых документов; положения также воспроизведены в [11].

[INTERPOL — Legal documents](#)

[10] INTERPOL. Rules on the Processing of Data, официальный опубликованный текст, статья 34(3): факторы оценки политического характера.

[INTERPOL — Rules on the Processing of Data](#)

[11] INTERPOL. Repository of Practice: Application of Articles 2 and 3 of INTERPOL’s Constitution. Третье издание, ноябрь 2024 года; раздел 3.1, особенно печатные страницы 23–25.

[INTERPOL — Repository of Practice, 2024](#)

[12] CCF. 2019 — Decision Excerpt No. 09: Accuracy-Quality, Political character, Private matter.

Опубликованная анонимизированная выдержка, §§ 25–31.

[INTERPOL / CCF — 2019-09](#)

[13] CCF. 2023 — Decision Excerpt No. 4: Purpose, Description of criminal activities, Political character. §§ 17–19, 28–43.

[INTERPOL / CCF — 2023-04](#)

[14] CCF. 2024 — Decision Excerpt No. 3: Article 3, Misuse of Interpol’s channels. §§ 11–16; объект проверки — запись SLTD.

[INTERPOL / CCF — 2024-03](#)

[15] Европейский парламент. Corrigendum к Регламенту (ЕС) 2024/1347, TA-9-2024-0185-COR01, 17 июня 2025 года, страница 3: исправленная дата применения — 12 июня 2026 года.

[Европейский парламент — текст исправления](#)

[16] Окончательная публикация исправления к Регламенту (ЕС) 2024/1347: OJ L, 2025/90926, 25 ноября 2025 года, CELEX 32024R1347R(01). Реквизиты проверены по официальной карточке EUR-Lex; текст исправления даты — также по [15].
[EUR-Lex — OJ 2025/90926](#)